



ЛОМОНОСОВЪ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

За то терплю, что старался *защитить трудъ Петра Великаго*, чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣють (изъ посмертныхъ бумагъ Ломоносова).

„Отецъ Русской науки и литературы“, Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, можно сказать, былъ историкомъ въ теченіе всей своей свыше 25-лѣтней академической дѣятельности. Написаніе Русской исторіи онъ считалъ главною задачею, первымъ требованіемъ, которое должно быть предъявлено членамъ Академіи Наукъ: „не описаны еще *дѣла моихъ предковъ* и не воспѣта по достоинству *Петра Великаго слава*“, говоритъ Л. отъ лица императрицы Елисаветы въ своемъ Похвальномъ словѣ. Ломоносовъ „былъ историкъ въ своихъ одахъ“, если на оду смотрѣть со стороны ея содержанія, какъ на газетную статью, брошюру или книгу, и занялъ видное мѣсто въ числѣ писателей Русской исторіи XVIII вѣка.

Уже въ первой одѣ Ломоносова, тогда еще Марбургскаго студента, въ знаменитой одѣ на взятіе Хотина (1739 г.), въ *виднѣи*, находится сопоставленіе, основанное на изученіи Русской исторіи: здѣсь сопоставлены Петръ Великій и Іоаннъ Грозный, т. е. Древняя и Новая Россія, правильно указаны цѣль Русскихъ войнъ (борьба съ Азіатскимъ варварствомъ и хищничествомъ) и ихъ слѣдствіе:

Казакскихъ полъ Заднѣстрскій тать
Разбить, прогнать, какъ прахъ развѣять...

Сынъ преобразовательной эпохи, Л. является горячимъ *поклонникомъ Петра Великаго*:

Онъ богъ, онъ *богъ твой* былъ, Россія!

Воскликаетъ Л. въ одѣ на тезоименитство в. кн. Петра Ѳеодоровича (1743 г.). Въ одахъ на разные случаи въ лицѣ императрицы Елисаветы, в. кн. Петра Ѳеодоровича Л-въ воспѣваетъ „тщерь Петрову“, „внука Петрова“, „Петровъ и Аннинъ плодъ“. Въ одѣ на бракосочетаніе великаго князя (1745 г.) Л-ва останавливаетъ даже повтореніе дорогихъ для него именъ:

Се *наки* *Петръ* съ *Екатериной*
Веселья общаго причиной...

Въ одѣ на рожденіе в. кн. Павла Петровича (1754 г.) Л-въ намѣчаетъ *внѣшнюю дѣятельность* Россіи: въ то время какъ противъ Западной Европы война можетъ быть только оборонительная, варварскія страны Востока и Юга, гдѣ Россію „вокругъ облесть драконъ ужасный“, должны подчиниться ея цивилизующему вліянію; весь свѣтъ чудовища страшится, только „Россійскій Геркулесъ“

Возставитъ вольность многихъ странъ.

Въ этой же одѣ Л-въ обращается къ прошедшему и устанавливаетъ *историческую связь* событій:

Уже *младого Михаила*
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять...
Сармать съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ *Алексию*,
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ *Петру* судилъ...

И послѣдующія событія Русской исторіи (переворотъ 28 Іюня 1762 г., судьба императора Петра III) нашли себѣ отраженіе въ одахъ Л-ва. Между прочимъ, Л-въ дважды говоритъ о *презрѣннѣ* къ Русскимъ подданнымъ; даже Петръ Великій въ гробу терпитъ „несносну рану“ отъ неслыханнаго на свѣтѣ поступка—

Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ—

разумѣется усилившееся при Петрѣ III вліяніе побѣжденнаго Пруссаго короля.

Ломоносовъ—„это *стихотворецъ* *въ*ку блаженныя памяти *Елисаветы*“ (Порошинъ). Можно сказать, что всѣ главнѣйшія внѣшнія и внутреннія событія царствованія Елисаветы Петровны нашли себѣ откликъ въ одахъ Л-ва.

Въ одѣ на прибытіе императрицы Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи (1742 г.) Л-въ говоритъ по поводу происходившей тогда побѣдоносной войны съ *Швеціей*, которая началось подъ вліяніемъ Франціи:

Стокольмъ, глубокимъ сномъ покрытый,
 Проснись, познай Петрову кровь;
 Не жди льстецовъ своихъ защиты,
 Отринь коварну ихъ любовь...
 Цѣлуй *Елисаветинъ мечъ*,
 Чтò ты принудилъ самъ извлечь.
 Свою *Полтавску* вспомни *рану*...
 Народы, нынѣ научитесь,
 Смотри на *страшну гордыхъ казнъ*,
 Союзы разрушать блюдитесь,
 Храните искренню пріязнь.

Въ одѣ на день восшествія на престолъ Елисаветы (1746 г.) Л-въ говоритъ, что вся Европа, въ которой шла тогда между Австріей и Пруссіей борьба за „*Австрійское наслѣдство*“, ожидаетъ отъ Русской императрицы возстановленія мира:

Отъ той Европа ожидаетъ.
 Чтòбъ въ ней возставленъ былъ *покой*.

Въ 1747 г., по поводу переговоровъ канцлера Бестужева-Рюмина о посылкѣ Русскаго войска на помощь морскимъ державамъ, чтò могло бы завести Россію въ „опасныя дальности“ (какъ тогда говорили), Л-въ написалъ свою извѣстную оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ *миръ* и его главный плодъ—*процвѣтаніе наукъ*:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
 Возлюбленная *тишина*,
 Блаженство сель, градовъ отрада,
 Коль ты полезна и красна!..
 Дерзайте нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ *Платоновъ*
 И быстрыхъ разумомъ *Ньютоновъ*
 Россійская земля рождать.

Заканчивается ода соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ, т. е. ожиданію войны:

Всевышній на того помощникъ,
 Кто гордостью своей дерзнетъ,
 Завида нашему покою,
 Противъ тебя возстать войною.

Въ 1748 г., въ надписи на иллюминацію 5 Сентября (день именинъ императрицы) и въ одѣ на восшествіе на престолъ, Л-въ прославилъ *заключеніе мира* въ Европѣ (Ахенскій миръ), происшедшее не безъ участія Россіи:

Воюеть воинство твое противъ войны,
Оружіе твое *Европѣ миръ* приводитъ (изъ надписи).
И мечъ твой, лаврами повитый,
Не обажень, войну пресеѣтъ (изъ оды).

Въ 1757 г., въ одѣ на день рожденія в. кн. Анны Петровны, Л-въ говоритъ о борьбѣ двухъ *союзныхъ императрицъ*, Елисаветы и Маріи Терезіи, противъ Фридриха II, который

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ повергнуть тщится узы,
Желаніе чужихъ державъ...
О ты, *союзна героиня*,
И сродна съ нашею богиня!...

Л-въ является *глашатаемъ успѣховъ* Русскаго оружія въ этой такъ наз. „*Семилѣтней войнѣ*“ (побѣды П. С. Салтыкова при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ въ 1758 г.):

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, *Фридерикъ*,
Прогванный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?...
О, честь Россійскаго народа,
Въ дни наши *воиновъ примѣръ*,
Что силой перваго похода,
Деукратно супостатовъ стеръ.

Но и послѣ побѣдъ Елисавета молитъ Бога мира о *мирѣ*:

О Боже, мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой тщери
Военни запечатай двери...

Таже мысль о *превосходствѣ мира* передъ войною высказана и въ послѣдней одѣ Л-ва „тщери Петровой“, которая

... въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше чѣмъ военный звукъ,
Поставитъ красоту наукъ.

Главнѣйшія *внутреннія событія* царствованія Елизаветы также нашли себѣ отраженіе въ одахъ Л-ва. Въ одѣ на день рожденія Е-ты (въ концѣ 1746 г.) Л-въ возвѣстилъ, что нѣтъ болѣе *смертной казни*:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ надписи на иллюминацію (5 Сент. 1754 г.) Л-въ сообщаетъ объ уничтоженіи *внутреннихъ таможенъ* и о заботахъ по Уложенію:

И *алмы мытари* внутрь торгу не смущаютъ:
Сталь тѣсенъ въ злобѣ путь коварнымъ въ *судахъ*.

И въ послѣдней одѣ Е-тѣ Л-въ говоритъ о запрещеніи *смертной казни*:

На отеческій престоль всхожу
Спасти отъ злобы угнетенныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой родъ, *умножу прощенныхъ*.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ *смертной казни* ночь.
Владѣть хочу зефира тише...

Ломоносовъ занялъ видное мѣсто въ числѣ писателей Русской исторіи XVIII вѣка.

При отсутствіи раздѣленія научныхъ занятій, „адъюнктъ физическаго класса“, а затѣмъ „профессоръ химіи“ (съ 1745 г.), Ломоносовъ, какъ первый талантъ Академіи Наукъ, долженъ былъ заняться и написаніемъ Русской исторіи.

Въ XVIII в. историческая наука и на Западѣ была еще только въ зародышѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи. Изъ рапортовъ Л-ва отъ 1751—1753 гг. видно, какого труднаго труда требовала *подготовка* „для собиранія матерій для сочиненія Русской исторіи“, какъ много книгъ приходилось читать и дѣлать изъ нихъ многочисленные „эксцепты“ или выписи. При этомъ трудъ Л-ва былъ *срочный* и сопровождался *другими занятіями* его профессіи и должности: Ломоносовъ, по его собственнымъ словамъ, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертациі, сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ проявленіямъ радости, составляетъ правила краснорѣчія на своемъ языкѣ и *исторію своего отечества* и долженъ еще *на срокъ поставить*“ (изъ письма къ И. И. Шувалову, Май 1753 г.).

Понятія Ломоносова о *задачъ Русской исторіи* видны изъ другого письма его къ Шувалову (въ нач. 1755 г.): „Я бы отъ всего сердца же-

далъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло *охоту всѣхъ* удовлетворить... Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностью *древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Государей* свѣту откроются“. Ломоносовъ, можно сказать, весь отдался труду „на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова“; отдыхомъ для него служили „физическіе и химическіе опыты, которые могутъ принести *честь и пользу отечеству*“.

Результатомъ свыше десяти-лѣтнихъ трудовъ Л-ва явились: Краткій учебникъ Россійской исторіи и *Древняя Россійская исторія*, доведенная до смерти Ярослава I, изданіемъ которой съ 1763 г. занялась Академія Наукъ.

Во „Вступленіи“ Л-въ высказываетъ *взглядъ на исторію* со стороны искусства, т. е. съ чисто-литературной (художественной) точки зрѣнія и является „отцомъ литературнаго направленія въ исторіи“, которое держалось долго и послѣ него (Карамзинъ). „Всякъ, говоритъ Л-въ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ *равныя дѣла и героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныя*, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать должно на бывшій нашъ *недостатокъ въ искусствѣ*, каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности“. Въмѣсто исторической системы, каковой по тому времени и не могло быть, Л-въ удовольствовался „нѣкоторымъ *общиимъ подобіемъ* въ порядкѣ *дѣланій Россійскихъ съ Римскими*“, въ которомъ находитъ „владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные города...; потомъ единоначальство Кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ?“

Историческій трудъ Ломоносова дѣлится на двѣ половины. Въ изслѣдованіи о *древностяхъ*, въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ, подготовительныхъ вопросовъ видна ясность мысли, блеститъ во всей силѣ великій талантъ Л-ва, и нѣкоторыя заключенія его наука повторяетъ до нашихъ дней. Таковы, наприм., вопросы „о единородствѣ Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѣами“, „о составленіи народовъ“, т. е. о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію („Ни о единомъ языкѣ утверждать невозможно, чтобы онъ сначала стоялъ самъ собою, безъ всякаго примѣшенія“), „о дальней давности Славенскаго народа“ — мнѣніе, повторенное впоследствии Шафарикомъ. Въ столь животрепещущемъ

тогда вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси, въ противоположность Норманнской теоріи Нѣмцевъ Байера, Миллера и др., Ломоносовъ высказалъ мысль о Прусскомъ (Славянскомъ) происхожденіи Варяговъ и о самобытности Руси онъ является главою т. н. *Славянской школы*.

Полную противоположность представляетъ вторая половина историческаго труда Ломоносова, собственно *изложеніе событій* или повѣствованіе, которое представляетъ собою не что иное, какъ сухой, безжизненный, чисто отвлеченный „риторическій перифразъ лѣтописныхъ событій“. Таковы рассказы о призваніи Варяговъ, о мщеніи Ольги со вставками словъ и выраженій, не находящихся въ лѣтописи, съ наивною критикою по поводу „оплошности“ Древлянъ; Владимиръ Св. сравнивается съ Римскимъ царемъ Нумою и т. п.

Къ сказанному добавимъ, что Ломоносовъ во все время своей службы въ Академіи завѣдывалъ „*Географическимъ департаментомъ*“. Заботами Ломоносова составлялся „Новый Россійскій атласъ“, сочинено „9 Россійскихъ ландкартъ“, производилась „топографія городовъ“, „реестры душъ“ (т. е. статистика населенія). По ходатайству Л-ва передъ Сенатомъ, были разосланы по всемъ губерніямъ составленные имъ „Вопросы для собранія географическихъ извѣстій о Россіи“. Онъ предлагалъ также снять копии старинной иконописи и фресокъ. Въ одномъ изъ сохранившихся писемъ къ Шувалову находится разсужденіе Л-ва „о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“—вопросъ, занимавшій тогда многихъ государственныхъ дѣятелей. Въ 1759 г. Л-въ написалъ „Разсужденіе о большей точности морского пути“. 20 Сент. 1763 г. (въ день рожденія в. кн. Павла Петровича) Л-въ прочелъ „Краткое описаніе разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сѣвернымъ океаномъ въ Восточную Индію“. Мысль о *сѣверномъ пути* въ Восточный океанъ находится въ одѣ Петру III:

Тамъ мерзлыми шумить крылами
 Отецъ пустыхъ снѣговъ—Борей
 И отворяетъ *ходъ межъ льдами*,
 Давъ волѣ *путь въ Востокъ* твоей,
 Чтобъ *Хины, Инды и Яппоны*
 Подверглись подъ твои законы.

И въ поэмѣ „Петръ Великій“ заключается таже *пророческая мысль* о будущемъ значеніи родного Ломоносову Сѣвернаго моря:

Какая похвала Россійскому народу
 Судьбой дана *пройти покрыту льдами воду!*

*Колумби Русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межь льдами новый путь отворятъ на Востокъ,
И наша достигнетъ въ Америку держава.*

Въ началѣ 1765 г. Сенатъ слушалъ донесеніе Ломоносова о томъ, что мозаическая картина *Полтавской баталіи* готова и выдать ему затраченные 999 рублей. Это *последнее извѣстіе* о Ломоносовѣ. 4-го апрѣля 1765 г., въ Понедѣльникъ на Св. Пасхѣ, Ломоносовъ скончался. Густая толпа народа проводила гробъ его въ Александро-Невскую лавру.

А. П. К.

*

Ломоносовъ послѣдніе годы свои прожилъ въ довольствѣ и почетѣ. Чинъ статскаго совѣтника въ то время еще былъ на рѣдкость. Государыня не одинъ разъ навѣщала его въ Б. Морской въ его домѣ (гдѣ въ наши дни былъ магазинъ Крумбюгеля). Никогда, ни прежде ни долго послѣ, никто изъ Русскихъ государей не оказывалъ такой чести дѣятелю науки и Русскаго слова. Съ Екатериною былъ у Ломоносова и графъ Г. Г. Орловъ. По кончинѣ Ломоносова, онъ приобрѣлъ его, находившіяся въ Петербургѣ, бумаги. Гдѣ онѣ теперь? Орловы не такіе были люди, чтобы, заплативъ за что-либо деньги, не сберечь купленнаго. Вся движимость этихъ пѣтерыхъ Екатерининскихъ Орловыхъ должна находиться въ селѣ Отрадѣ Московской губерніи Серпуховскаго уѣзда, владѣніи старшаго изъ наслѣдниковъ графа Владимира Григорьевича. Это графъ Орловъ-Давыдовъ, по болѣзни своей находящейся подъ опекою. По приказанію гг. опекуновъ сдѣланы были справки, но писемъ Ломоносова не нашлось, а бумаги еще не разысканы.

Памятникъ Ломоносову въ Невской лаврѣ поставленъ канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ, коего внучатый племянникъ князь М. С. Воронцовъ въ 1832 году возобновилъ этотъ памятникъ (въ походахъ своихъ онъ возилъ съ собою книгу стиховъ Ломоносова). Съ тѣхъ поръ памятникъ обвѣтшалъ, и его возобновилъ прямой (по женской линіи) потомокъ Ломоносова, графъ Г. И. Ностицъ, скромно обозначившій себя на памятникѣ начальными буквами своего имени. Ему подобаешь называться графомъ Ломоносовымъ-Ностицомъ.

Потомки Ломоносова женскаго пола суть: дѣвица Елисавета Николаевна Орлова и сестра ея Екатерина Николаевна Котляревская. Онѣ унаслѣдовали имѣніе Петергофскаго уѣзда Усть-Рудицы, гдѣ великій ихъ предокъ занимался мозаичнымъ дѣломъ. Мозаичная икона Бога Саваоа, работы Ломоносова, находится въ главной залѣ Московскаго Университета. Не знаемъ, кому принадлежитъ теперь прекрасно исполненный Ломоносовымъ портретъ канцлера графа Михаила Ларионовича; мы нѣкогда любовались этимъ портретомъ у князи С. М. Воронцова. П. Б.

